

Как будто Сяо Фэн У знал, что он так скажет, он опустил голову, не говоря ни слова, пока его рука снова и снова ударялась о решетку. Каждый удар был тяжелее предыдущего, и в его душе царил смятение, пока решетка тюрьмы не задрожала от каждого удара.

"Я этого не стою..."

Ладонь Сяо Фэн У покраснела, и он вдруг поднял глаза и посмотрел на Цинь Мин Юэ. Выражение и интенсивность, скрытые в этих глазах, были довольно пугающими, он четко произносил каждое слово, словно бросая камни в воду и создавая многочисленные брызги в бассейне:

"Тот, кто выбросил тебя и выгнал из семьи Сяо, тот, кто первым принял это решение, был я".

"Твои годы скитаний в нищете были из-за меня, твой отрезанный палец был отрезан из-за меня.....".

"Тебе не нужно сопровождать меня до смерти, тебе не нужно сопровождать до смерти такого человека, как я".

Цинь Мин Юэ, казалось, был ошеломлен его словами, и выражение его лица застыло на месте. Прежде чем его сознание уловило смысл слов, он спросил:

"Что ты хочешь сказать?"

Сяо Фэн У ничего не ответил, так как знал, что Цинь Мин Юэ все понял.

Люди действительно были такими странными. Когда у них было что-то, они этим не дорожили. А когда теряли, то сожалели и ненавидели до конца своих дней. Как будто они должны хранить сожаление в своем сердце, чтобы в полной мере ощутить, что такое быть человеком. Сяо Фэн У подумал, что, возможно, это последний раз, когда они встречаются... как это могло случиться.

Он протянул руку между прутьями, схватившись за ледяное запястье Цинь Мин Юэ:

"Мин Юэ....."

Казалось, что вся кровь вытекла из Цинь Мин Юэ, оставив его смертельно бледным. Его глаза полыхнули мрачным светом, который испугал бы любого, кто увидел бы его, и не позволил бы никому осмелиться посмотреть ему прямо в глаза. Все его тело было напряжено, но при этом непрерывно дрожало. Его слабое, тонкое, как бумага, тело стояло в этой темной и сырой тюрьме, настолько слабое, что даже один вздох мог рассеять его в ничто.

Цинь Мин Юэ чувствовал себя так, словно из него высосали все силы, он не мог даже

оттолкнуть Сяо Фэн У, оставаясь лишь крепко прижатым к нему. Через некоторое время его красивые глаза покраснели, и он заговорил, каждое слово было таким пушистым и дрожащим, не веря своим глазам:

"Ты обманывал меня все это время?"

Голос, который обычно был таким небесным, стал таким хриплым, что не мог издать ни звука.

Молчание было единственным ответом.

Цинь Мин Юэ вытянул губы вверх в жестком выражении насмешки, но это было похоже на смех над самим собой:

"..... Я был для тебя лишь игрушкой. Когда говорил, что любишь меня, кладешь меня в сердце своей ладони, а когда ненавидишь, ты просто отбрасываешь меня в сторону. Я слишком высоко себя ценил. Я всего лишь презренный, ничтожный, грязный театральный актер. Неужели я должен был поверить, что понравлюсь тебе?"

"Вы всегда обращались со мной, играли со мной, как с идиотом..."

Крупные бисеринки слез начали падать, скатываясь по слишком худому подбородку и исчезая в тени одежды.

Цинь Мин Юэ не плакал уже много лет. Даже когда он скитался по округе, обездоленный и нищий все эти годы, делал любую грязную работу, любую изнурительную работу, даже когда он ел объедки, выброшенные другими, еду, которая была кислой и застарелой, он никогда не плакал. Он знал, что слезы бесполезны. Можно только стиснуть зубы и карабкаться, карабкаться вверх. Он так долго упорствовал, пока, наконец, не добрался до сегодняшнего дня.

В сердце Сяо Фэн У хранилось множество слов, которые он хотел произнести вслух, но чувствовал, что сейчас для этого не самое подходящее время. Он только крепко вцепился в руку Цинь Мин Юэ, его голос был хриплым:

"Я никогда не считал тебя презренным, грязным, ниже моего статуса, и я никогда не видел в тебе игрушку".

Ты мне нравишься, но эта симпатия пришла слишком поздно.

Когда он был богат, его окружало множество людей, но когда он пал в бесчестье, единственным, кто стоял на его стороне, был Цинь Мин Юэ. Если бы его сердце не было тронуту, это было бы ложью. Просто обычно он не хотел этого показывать и не хотел об этом думать.

"Панг..."

Цинь Мин Юэ вдруг с силой ударил по тюремной решетке, от чего раздалось эхо, а железный прут раскололся и вошел в его плоть. Когда его рука опустилась, по руке потек кровавый след.

Глаза Цинь Мин Юэ полностью покраснели, и он яростно посмотрел на Сяо Фэн У:

"Тебе не нужно говорить такие легкомысленные слова!"

Сяо Фэн У замер в шоке, отпустив левую руку Цинь Мин Юэ. Он повернулся, чтобы посмотреть на свою правую руку, с которой капала кровь, как вдруг его застала врасплох хватка Цинь Мин Юэ на его запястье, а затем резкая боль, пронзившая его насквозь.

Зубы вонзились в плоть; это было действительно очень больно, Цинь Мин Юэ кусал с ненавистью, пылающей в нем, как будто хотел откусить кусок плоти Сяо Фэн У.

Обычно люди плакали и кричали от боли.

Но Сяо Фэн У желал только одного - получить как можно больше боли.

Чтобы, умирая, он никогда не забыл об этом маленьком актере.

Луна в небе держалась за ветви крабового дерева, но лунный свет людей был в его объятиях. Сяо Фэн У не имел возможности снова заключить его в свои объятия, он мог лишь смотреть сквозь узкие щели ледяного барьера между ними. Смотрел на Цинь Мин Юэ, смотрел взглядом строгим и подробным, собираясь в густую и прочную сеть.

Спустя долгое время Цинь Мин Юэ, наконец, отпустил его с лицом, испещренным следами слез, губами, измазанными ярко-красным пятном крови, и ненавистью в глазах, набирающей силу.

Сяо Фэн У протянул руку, чтобы вытереть слезы на его лице:

"Мин Юэ, если я смогу выжить и выбраться отсюда.....".

Не успел он договорить, как Цинь Мин Юэ холодно повернул голову в сторону, избегая его руки и отступая назад. Затем, прямо перед лицом Сяо Фэн У, он разорвал написанный рецепт на кусочки и мрачно сказал:

"Тебе действительно следует остаться здесь и терпеть, терпеть до того дня, когда ты выйдешь на разделочную доску".

Бумага, разорванная на тысячу кусочков, медленно упала на пол. Цинь Мин Юэ не удостоил его взгляда, а затем повернулся, чтобы уйти.

Рука Сяо Фэн У, все еще вытиравшая слезы Цинь Мин Юэ, замерла в воздухе. Только через некоторое время он медленно убрал ее обратно. Он опустил голову, выражение его лица было скрыто от посторонних глаз, но вокруг него витала аура подавленности, словно у него забрали душу.

Братья Сяо с удовольствием наблюдали за разворачивающейся драмой в первой половине, но вторая половина сразу же напугала их, и они не издали ни звука. Они оба, один бился о клетку до крови в руке, а второй был укушен до крови. Ситуация, казалось, полностью вышла из-под контроля, став еще более безумной, чем то, что только что произошло в камере пыток.

Вокруг воцарилась тишина, и через некоторое время Сяо Фэн Мин дернулся, его рот пересох, когда он попытался успокоить Сяо Фэн У:

"Это, эм, Шестнадцатый брат, посмотри на это с другой стороны".

Сяо Лю Ге тут же разразился смехом:

"С какой стороны посмотреть. Это то, что называется заслуженно. Кто позволил ему флиртовать со столькими людьми, создавая столько любовных проблем. Когда Сяо Лао-тай-е сказал тебе порвать с актером, я действительно думал, что ты так и сделала, но оказалось, что ты не захотела отпустить его".

И затем покачал головой, закончив словами:

"Шестнадцатый брат, как же тебе повезло в любви".

Когда они только приехали, все плакали, и только Сяо Фэн У оставался невозмутимым. Но теперь, когда они не плакали, эмоции в Сяо Фэн У внезапно нахлынули, как цунами, и он не мог понять, что это была за горечь.

У каждого человека в юности был свой период безумия, свои непостижимые взгляды и убеждения. Но беспрепятственные действия и отношение Сяо Фэн У навредили Цинь Мин Юэ.

Несколько лет назад был зимний день. В то время, как снег падал толстым слоем, превращая даже капли воды в лед, Сяо Лао-тай-е как раз занимался подготовкой к свадьбе своего самого дорогого внука, шестнадцатого по счету. Женой была старшая дочь семьи Чэнь, Чэнь Цзы Ци. Однако Сяо Фэн У почти разозлил ее настолько, что она отрезала все волосы и стала монахиней, пока она окончательно не убила свою любовь, чтобы выйти замуж за другого, и таким образом создал метафорическую стену между их семьями.

Все ради актера.

Все из-за актера.

Мать Сяо Фэн У тоже была актером, но ей не суждено было прожить долгую жизнь, и она ушла из жизни довольно рано. Ее муж тоже был глубоко влюблен в нее, и вскоре после ее смерти он тоже распрощался с человеческим миром.

Самый дорогой сын Сяо Лао-тай-е был погублен на руках актера, и он не мог просто смотреть на то, как его самый дорогой внук пошел по тем же стопам.

"Шестнадцатый Ланг! Шестнадцатый Ланг!"

Сяо Лао-тай-е хлопнул по трости и зашагал взад-вперед перед Сяо Фэн У,

"Ты самый талантливый из всех моих внуков, и однажды ты унаследуешь эту семью. Ты не можешь бросить все ради таких детских дел, ради любви, и растрачивать свои таланты, особенно когда он всего лишь театральный актер, мужчина!"

Сяо Фэн У стоял на коленях на земле, не обращая внимания на его слова, очевидно, не принимая их всерьез.

Почти на полпути к взрослой жизни, его кости были высечены упрямством и легкомысленным отношением - что бы другие ни говорили, что он не может сделать, он обязательно сделает. Особенно когда отношения между дедом и внуком находились в странном положении, в отличие от того, что, по слухам, было так хорошо.

Сяо Лао-тай-е был стар, но его глаза были острыми, умными и безжалостными, не позволяя никому встретиться с ним взглядом,

"Меня это не волновало, потому что ты был еще молод, все еще дурачился, но ты достиг возраста зрелости и не можешь быть таким глупым, чтобы идти по тому же пути, что и твой отец. Он был... он был таким же, как ты, был заморожен ничтожным, презренным, ничтожным театральным актером, даже не помнящим, как его зовут!"

Незначительным, презренным, ничтожным театральным актером на его языке была мать Сяо Фэн У.

Она умерла в год, когда Сяо Фэн У исполнилось девять лет.

Как она умерла? Не потому, что она была так красива, что небеса предписали ей рано закончить жизнь в качестве компенсации, а из-за человеческих действий: в нее влили одну

чашу лекарства, и она умерла без шума.

Лекари могли спасать людей, но могли и убивать. Сяо Лао-тай-е спас множество, несчетное количество жизней, но его руки были также испачканы кровью, настолько, что он никогда не сможет отмыть их в этой жизни.

"Шестнадцатый Ланг, отпусти его пораньше. Ты его балуешь, но нужно посмотреть, сможет ли он выдержать и справиться с этим баловством".

Сяо Лао-тай-е глубоко вздохнул, его мутные глаза сверкнули остротой, словно в них отразился блеск убитого клинка. Столько лет назад он отнял жизнь у театрального актера, а теперь ему придется поставить на кон еще одну жизнь.

Сяо Фэн У не произнес ни слова. В доме было тепло от горящих угольных тазов, но руки и ноги как будто медленно становились ледяными, когда он вспомнил о своей матери.

Она была очень красивой женщиной, чей голос был нежен и полон любви, она помогала ему чинить одежду, укладывала спать по ночам. У нее были очень красивые глаза феникса, темные, но чистые и лишенные всего плохого зрачки, перемежающиеся с зеленью, которая напоминала ему идеальный солнечный день. Когда бы она ни посмотрела на него, на ее лице всегда была улыбка.

Но потом она умерла, и ее труп нигде не нашли. Даже ее памятная табличка не могла войти в зал предков, чтобы потомки могли поднести ей благовония.

Сяо Фэн У очень скучал по ней, но он мог только сказать себе, что не может думать о ней. Ведь если бы он это сделал, то в его сердце поднялась бы неуправляемая буря ненависти, которую невозможно было бы ни укротить, ни заглушить. Но к кому должна быть направлена эта ненависть? К тому, кто воспитывал его с раннего детства, к деду?

Казалось, что между ними возникла тихая патовая ситуация, и в то же время казалось, что это лишь размышления и пауза Сяо Фэн У.

Сяо Фэн У любил Цинь Мин Юэ, но его любовь была слишком поверхностной, настолько поверхностной, что он не мог планировать его будущее, настолько поверхностной, что он мог подтолкнуть его на вершину и оказаться бессильным, когда тот упал.

Как сказал Сяо Лао-тай-е, балуя его, нужно было проверить, сможет ли он выдержать это или нет.

Как и в том, как закончилась династия Шан, вина лежала на Дачжи. Как и в случае с супругой Ян династии Тан, Ян Гуйфэй, которую баловали и любили, но единственным выходом для нее стала смерть, благословенная самим императором.

Сяо Фэн У нравился Цинь Мин Юэ, но он знал только, как испортить и распространить слух о своем золотом сокровище. Он никогда не задумывался о том, какую катастрофу это принесет Цинь Мин Юэ.

За столько лет подавленных эмоций и воспоминаний, наконец, дошло до того, что Сяо Лао-тай-е задел за живое. Его голос звучал так старчески, что он произнес:

"Шестнадцать Ланг, ты будешь делать шаг, или я помогу тебе".

Он? Что делать? Ничего, кроме как выдумать что-нибудь и закончить это тем, что ему в глотку запихнут миску с лекарством. В конце концов, никому нет дела до жизни и смерти ничтожного театрального актера.

Может быть, прошел час, может быть, два, а может быть, всего пять минут.

Сяо Фэн У поднялся, используя колени, чтобы помочь себе подняться с земли:

"..... Дайте ему несколько таэлей серебра, чтобы он прожил остаток жизни в комфорте. Отпусти его".

В это время, если Цинь Мин Юэ относился к Сяо Фэн У на 10/10, то Сяо Фэн У относился к Цинь Мин Юэ на 5/10. Их отношения не были настолько глубокими, поэтому, хотя он и должен был их закончить, он немного не хотел, но не до такой степени, чтобы его сердце было похоже на то, что его собираются вырвать из него.

Красивая дверь из резного дерева открылась, впустив морозный воздух. Сяо Лао-тай-е посмотрел на удаляющуюся спину Сяо Фэн У и спросил:

"Ты пойдешь к нему?"

Сяо Фэн У даже не повернул головы, его голос медленно передавался сквозь ледяной снег:

"Нет".

Одного слова было достаточно, чтобы поставить точку в этой истории. Не было ни правых, ни виноватых; никто не мог сказать, кто прав, а кто виноват, так как иногда судьба, судьба, судьба, эти вещи действительно были не в руках людей.

Когда Сяо Фэн У снова открыл глаза, перед ним все еще стоял пейзаж ледяной, сырой и темной тюремной камеры. Из соседней камеры доносился плач и всхлипывания, он пригляделся и увидел, что это Сяо Фэн Мин, мужчина ростом под семь футов, сейчас сжался в шар, его плечи подрагивали.

Сяо Фэн У знал, он думал о своей жене и сыне.

Это не было ни стыдом, ни смущением, ведь никто не знал, умрут ли они завтра.

Сяо Фэн У также думал, думал о Цинь Мин Юэ. Ему было жаль этого маленького актера, и не стоило ради него расставаться с жизнью.

Примечания:

*1 название взято из стихотворения Ли Бая "Ван Чанлингу, изгнанному на запад" (перевод взят из книги "300 стихотворений эпохи Тан" Сюй Юаньчуна) -> "Все ивы опали, и печальные кукушки плачут, / Чтобы услышать, как ты изгнан на юго-запад за Пять потоков. / Я бы не стал доверять печаль луне на вершине, / Ведь она последует за тобой на запад, в страну грез. / Единственное, что может соединить поэта и его изгнанного друга - это луна".

Это самый простой результат поиска на английском языке, который я получил, поэтому я оставил его, но технически в стихотворении всего 4 строки, и оно вроде как близко, но я бы сказал, что последние три строки не в порядке, если читать их буквально в gaws, но так как я не литературовед, оставим это экспертам lol.

Однако в переводе это имеет смысл, потому что стихотворение было написано Ли Баем своему хорошему другу Ван Чанлину, который, как сказано в названии, был изгнан, и в этой конкретной строке и во второй половине он сказал: "Пожалуйста, позволь мне оставить все мои печали и мысли, которые я имею по отношению к тебе, и отдать их яркой луне, висящей на небе, и пусть она сопровождает тебя на всем пути до запада, где ты изгнан.

Интерпретации могут быть разными, но я понимаю это так: пусть луна помнит о наших отношениях и утешает тебя, когда ты уезжаешь так далеко и никогда больше не увидишь, но, конечно, помимо смысла стихотворения, часть "яркая луна" также может быть отнесена к Минг Юэ из имени Цинь Минг Юэ, так что смысл двойной!

*2 Если вы помните, имя Цинь Мин Юэ в дословном переводе означает "ясная луна", так что он использует это, а крабовое дерево, вполне вероятно, то самое, которое он упоминает во дворе □.

*3 Обе метафоры, которые он использовал, были в основном примерами императоров, которые потакали и баловали одну конкретную супругу (чрезмерно потакали и давали слишком много любви), что они игнорировали свои обязанности, и один стал причиной конца их династии, а другая была приказана повеситься - хотя, конечно, это просто упрощение, и в их историях есть много чего еще

<http://bllate.org/book/17367/1629056>